

Консервативный поворот в истории идей

Выход в свет альманаха «Вопросы истории консерватизма» (Воронеж, 2015) можно назвать знаменем времени¹. Хорошо подготовленная публикация с портретами русских консерваторов на обложке выпущена Центром по изучению консерватизма. За последние годы в Воронеже вышла целая серия монографических работ, посвященных отечественному консерватизму [11; 18; 8; 5]. Сюда следует добавить издания текстов классиков русского консерватизма, в том числе сочинения Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова и А.С. Пушкина, А.А. Аракчеева, М.Л. Магницкого и Ф.В. Растопчина, Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, А.С. Шишкова и С.С. Уварова [3; 6; 10; 12; 14; 20]. Составилась целая библиотека трудов воронежских, московских и петербургских ученых, среди которых выделяется фундаментальная «Энциклопедия русского консерватизма» [15]. Есть все основания констатировать, что в освещении отечественной интеллектуальной истории произошел историографический «консервативный поворот»: большой интерес к революционным и либеральным идейно-политическим течениям сменился, и явный перевес получили идейные течения, персоналии и сюжеты, связанные с историей русского консерватизма.

Консервативный поворот не является новостью, чем-то небывалым в отечественной истории идей: согласно известной формуле «в молодости мы бываем реформаторами, в старости – консерваторами». Пример – идейная эволюция Н.М. Карамзина, который в свои двадцать три года в «Письмах русского путешественника» – симпатизант республиканизма и Просвещения, а в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанной в пятидесятилетнем возрасте, – монархист, провозгласивший, что «самодержавие есть палладиум России». Владимир Соловьев в молодости был вольнодумцем, нигилистом и атеистом, прежде чем стать христианским философом, а Николай Бердяев, как известно, совершил эволюцию от социализма и членства в «Киевском союзе борьбы за освобождение рабочего класса» к антикоммунизму. Однако всё это – индивидуальные, личностные примеры, тогда как постсоветский консервативный поворот – явление идеологическое и социальное.

Альманах «Вопросы истории консерватизма» – наглядное отражение сдвига в общественном сознании, резкого возрастания интереса к отечествен-

¹ Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1 / Ред. колл.: А.Ю. Миных, С.В. Хатунцев, Н.Н. Лупарева, А.О. Мещерякова. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. 416 с.

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mmaslin@yandex.ru

ным идейным течениям консервативного направления. Этот интерес объясняется прежде всего реакцией на «упростительное смешение» глобализации: чем резче происходят разрывы с важнейшими ценностями православной цивилизации, тем активнее стремление опереться на собственные традиции, которые были насильственно пресечены в советский период. Падение и Российской империи, и советской государственности следует оценивать в сфере духа.

Инстинкт собственного цивилизационного выживания России сокращался, утрачивался и, подобно шагреневой коже, заменялся инстинктом «европейничанья» по аналогии с «обезьянничаньем» (образ Данилевского). Россия всё дальше и дальше во времени и пространстве старалась казаться не тем, чем являлась, относя себя к референтной цивилизационной группе Запада.

В последнее же десятилетие XX века, осознав свою отсталость по части институтов либеральной демократии и правового государства, Россия стала настолько быстро ускоряться в подражании Западу, что превратилась в его своеобразное «кривое зеркало». Отсюда в «аксиологии и феноменологии» русского консерватизма наблюдается производство различного рода рецептов-противовесов глобализации и западнизации. В них ищут ответы на вопросы: что следует «консервировать», чтобы не потерять цивилизационное российское своеобразие; как «это» назвать и как создать подходящую политическую партию, которая была бы призвана возглавить этот процесс? А.А. Ширинянец отмечает, что политической риторикой консервативного толка так или иначе охвачена большая часть российского политического спектра. К сожалению, эта риторика, как правило, не идет дальше конструирования партстроителями различных определений и причастных оборотов, где определяемое слово – консерватизм с добавлениями «социальный», «динамический», «продуктивный» и т.п. В целом же консерватизм в «партийном исполнении» еще далек от своего оформления в современной России.

Русский консерватизм – это прежде всего совокупность истории консервативных идей и традиций, не случайно А.С. Хомяков подчеркивал, что «приют торизма в России – это черная изба крестьянина». Такая специфика отечественного консерватизма отражена и в рецензируемом альманахе.

Партии и политические организации консервативного и националистического направления, такие как Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Русский монархический союз, Всероссийский национальный союз, появились в политической истории России лишь в начале XX века и не создали сколько-нибудь реально-влиятельных политических и экономических программ, способных укрепить монархию. «Трагедия русского консерватизма во многом заключалась в том, что правым удавалось справедливо критиковать своих политических противников, находить слабые места в их программах, прогнозировать разрушительные для монархии последствия, к которым вели действия оппозиционного лагеря, но они не смогли предложить действенные рецепты для выхода страны из системного кризиса и спасения монархии от краха» [2, с. 331]. Наряду с «официальными» правоконсервативными организациями в России существовали и «неофициальные» структуры в виде салонов, кружков и тому подобных неформальных объединений, особенно умножившиеся в Петербурге-Петрограде в начале XX века: салоны князей В.П. Мещерского, М.М. Андроникова, доктора П.А. Бадмаева и др. Однако исходившие из этих кругов записки и проекты, как правило, не пользовались вниманием царя, а самое большее, чего иногда добивались консерваторы-неформалы, – продвижение «своих людей» на государственные должности [16, с. 342].

Авторы альманаха – ведущие российские специалисты по истории русского консерватизма, – как представляется, вполне согласны в том, что «в России может существовать только “русский”, “российский” консерватизм [19, с. 361].

Поэтому основное содержание альманаха составляет аналитическое изложение различных идейных форм отечественного консерватизма, представленное в двух центральных разделах книги: «Становление русского консерватизма: идейные истоки, философско-религиозные взгляды, общественно-политическая деятельность» и «Развитие русского консерватизма накануне и в годы Первой мировой войны». Особо следует выделить опубликование А.А. Ивановым и А.В. Репниковым двух статей консерватора Клавдия Никандровича Пасхалова, написанных в 1914 году и не потерявших своего геополитического значения. Пасхалов еще в 1908 году предупреждал, что «у несомненно умных и дальновидных государственных людей Англии явилась мысль одно препятствие сокрушить другим и сделать попытку заставить Россию и Германию разбиться друг об друга и разом освободиться от обоих конкурентов» [1, с. 382].

Библиотека русского консерватизма постоянно пополняется новыми исследованиями, как правило, основанными на архивных источниках. Подтверждением тому является рецензия известного леонтьеведа С.В. Хатунцева на одну из лучших книг по русскому консерватизму, написанную О.Л. Фетисенко. Ценнейшая книга Фетисенко о собеседниках и учениках К.Н. Леонтьева, удостоенная Бердяевской премии за 2014 год, справедливо названа «крупнейшим фундаментальным трудом в области леонтьеведения в последние годы» [18, с. 399]. Другая рецензия посвящена ценному историческому труду А.А. Иванова, в котором на основе анализа архивных источников сделан вывод об общей «апатии, деградации, распаде правого лагеря», который в 1914–1917 годах представляли «паралитики власти» [7, с. 414].

Новые материалы, характеризующие самого влиятельного русского консерватора XIX века, представлены А.Э. Котовым, который определил взгляды Каткова как «бюрократический национализм», имея в виду, очевидно, то, что статьи М.Н. Каткова и его окружения в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» адресовались не столько тысячам подписчиков, сколько непосредственно правящей бюрократии [36, с. 174].

В научной литературе наблюдается естественное стремление расширить круг носителей консервативных идей за счет новых персоналий и движений, что предполагает реабилитацию оболганных в большевистской печати представителей широкого черносотенного движения, имевшего своих сторонников во всех сословиях русского общества. До сих пор не принято упоминать членство в массовой партии «Союз русского народа» великого русского ученого Д.И. Менделеева, выдающегося государственника, чье наследие несомненно принадлежит к традиции русского консерватизма. В статье И.В. Омельянука дан критический анализ разного рода мифов о черносотенном движении, в том числе мифа об антисемитизме как его ведущей идеологии [12, с. 297–298].

Однако к идейным консерваторам причисляют также и некоторых деятелей церкви, не оставивших после себя сколько-нибудь значительных сочинений, но прославившихся на монашеском поприще. Подобный «перебор», возможно, уместен в трудах церковных историков, но для светского исследования он является натяжкой. Примером такого подхода является статья Ю.Е. Кондакова, посвященная архимандриту Фотию, настоятелю Юрьева монастыря, который назван «ярким выразителем взглядов партии русских консерваторов» [3а, с. 67]. Это ему посвящена эпиграмма А.С. Пушкина:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, –
Полу-благих, полу-святых.

Фотий был одним из тех, кто с полным на то основанием был причислен в XIX веке к реакционерам, а не к консерваторам, и подтягивать его чуть ли не к теоретикам консерватизма – значит спорить не только с Пушкиным, но и с Достоевским, который вывел Фотия в карикатурном образе постника и аскета Ферапонта в романе «Братья Карамазовы».

Появление течений консервативного типа было обусловлено спецификой русской цивилизации, которая как архетип сформировалась в XI–XVII веках [13, с. 12]. Предысторию русского консерватизма, повлиявшую на ее развитые формы, созревшие в XIX–XX веках, составили идеи о Руси как особой цивилизации, хранительнице православия и представления о необходимости сильной государственной власти, которая способна в союзе с церковью «повести Россию и к земному величию, и к посмертному спасению» [13, с. 31]. Эту государственническую ориентацию русского консерватизма, связанную с обоснованием идеи самодержавия, наиболее ярко выразил Н.М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» (1811). В качестве предшествующих карамзинской консервативной концепции в альманахе рассматриваются построения адмирала А.С. Шишкова и С.Н. Глинки, издателя «Русского вестника», где печатались сочинения видных консерваторов – Ф.В. Растопчина, А.А. Аракчеева, Г.Р. Державина и др. [4, с. 47]. В свою очередь, концепция самодержавия Карамзина оказала огромное влияние на С.С. Уварова, который представлен А.Ю. Минаковым как «прямой наследник Карамзина» [10а, с. 39]. Характерной чертой отечественной консервативной идеологии, свойственной вслед за Н.М. Карамзиным практически всем отечественным консерваторам, является опора на историю, включающая порой элементы ее мифологизации, а также преодоление «просвещенства» и галломании, ставшее в период Отечественной войны 1812 года и после нее важнейшим фактором роста влияния консервативных умонастроений. В этом отношении характерной является патриотическая позиция С.Н. Глинки, который до войны «затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» [4, с. 43], а в ходе войны и после нее заклеил позором «зловредный дух» французской революции и «лживых и неверных французов».

Что касается фигуры С.С. Уварова, то в альманахе он рассматривается прежде всего как интеллектуал и реформатор российского образования, создатель знаменитой «русской триады» «православие, самодержавие, народность», явившейся ответом на триаду Французской революции «свобода, равенство, братство». Этот акцент на научную сторону деятельности создателя русской триады, как представляется, позволил пересмотреть укоренившиеся стереотипы относительно мнимого уваровского авторства «официальной идеологии», появившиеся еще в советские времена. В действительности же триада Уварова была «русской формулой», своего рода рекомендательным «госстандартом», но никак не всеохватывающей официальной идеологией наподобие пресловутого марксизма-ленинизма. Уварова к тому же нельзя назвать единственным автором этой триады, которая не могла стать «идеологемой николаевского царствования» без одобрения со стороны царствующего дома и без пиар-поддержки многих журналистов и писателей, среди которых были такие деятели, как А.А. Краевский, Н.И. Надеждин, В.П. Андросов, В.Ф. Одоевский и др. В группе этой поддержки значился и В.Г. Белинский, который в 30-х годах XIX века был отнюдь не демократом, а идеологом сильной государственной власти [17, с. 155]. Особо отмечена в альманахе полузабытая в России, но получившая сильный европейский резонанс идея Уварова о необходимости перемещения геополитических интересов России в Азию, что явилось, по сути дела, первым выражением того варианта русского консерватизма, который стал известен в XX веке под именем евразийства. Идеи, высказанные в написанном

по-французски «Проекте Азиатской академии», были поддержаны Жозефом де Местром, и это еще раз подтверждает ту мысль, что европейский консерватизм питался русскими источниками [9, с. 134]. Именно Россия питала своим консерватизмом Европу, тогда как последняя питала Россию своим социализмом, который в итоге приобрел совсем не европейский облик.

Литература

1. *Иванов А.А., Репников А.В.* «Предстоит... решительное столкновение германского мира с русским»: прогнозы и предостережения Клавдия Пасхалова // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 381–398.
2. *Иванов А.А., Репников А.В.* Русские правые в годы Первой мировой войны // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 308–331.
3. *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и национальной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
- 3а. *Кондаков Ю.Е.* Фотий (П.Н. Спасский): философско-религиозные взгляды, общественно-политическая и церковная деятельность // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 67–131.
- 3б. *Котов А.Э.* «Средство борьбы и суррогат политики»: политическая публицистика М.Н. Каткова и его последователей // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 174–193.
4. *Лупарева Н.Н.* «Забытый патриот 1812 года»: общественно-политическая деятельность Сергея Николаевича Глинки // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 42–66.
5. *Лупарева Н.Н.* Отечестволюбец: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012.
6. *Магницкий М.П.* Православное просвещение / Сост., предисл. А.Ю. Минаков. М.: Ин-т русской цивилизации; Родная страна, 2014.
7. *Медоваров М.В.* Рецензия на книгу: *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с. // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 406–414.
8. *Мещерякова А.О.* Ф.В. Растопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.
9. *Мещерякова А.О.* Создатель русской триады: интеллектуальная биография С.С. Уварова // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 132–143.
10. *Минаков А.Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013.
- 10а. *Минаков А.Ю.* Русские консерваторы в поисках «русской формулы» // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 33–41.
11. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж, 2011.
12. *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 279–307.
13. *Перевезенцев С.В.* Идеи истоки русского консерватизма // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 11–31.
14. *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце. М., 2014.
15. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
16. *Стогов Д.И.* Неформальные правые политические организации царской России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 334–343.
17. *Удалов С.В.* «Православие, самодержавие, народность»: идеологема николаевского времени // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 144–159.
18. *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007.
19. *Шириняц А.А.* К «феноменологии» консерватизма и не только // Вопросы истории консерватизма: Альманах. 2015. № 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. С. 381–398.
20. *Шишков А.С.* Огонь любви к Отечеству. М., 2011.

Аннотация. Анализируется содержание альманаха «Вопросы истории консерватизма» (Воронеж). Издание демонстрирует происходящий в исторической науке «консервативный поворот» в истории идей. Автор объясняет причины этого поворота, определяет место альманаха в сложившейся в современной России «библиотеке русского консерватизма».

Ключевые слова: русский консерватизм, русская цивилизация, «православие, самодержавие, народность», консервативные партии в России, консервативные общественные движения, консерваторы в Государственной Думе, Первая мировая война, русская революция.

Mikhail Maslin, Ph.D. in Philosophy, Head of Department, Department of History of Russian Philosophy, Philosophy Department, Emeritus Professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mmaslin@yandex.ru

Conservative Turn in the History of Ideas

Abstract. The author analyses the contents of the “Aspects of the History of Conservatism” anthology (Vorirnezh). The publication demonstrates that the historical science is making “a conservative turn” in the history of ideas. The author explains the reasons of this turn and determines the place of the anthology in the current “library of Russian conservatism” in modern Russia.

Keywords: Russian Conservatism, Russian Civilization, “Orthodoxy, Autocracy, Nationality”, Conservative Parties in Russia, Conservative Social Movements, Conservatives in State Duma, The First World War, Russian Revolution.